

Светлой памяти моего отца Кима Беленковича, «лоцмана на трубе», маяка и берега

Большая любовь

Один и тот же сон: он стоит на «дубке», всматриваясь вдаль, где переулочек петляет между домами, вливаясь в пирс.

Город вымер—ни людей, ни машин, ни даже птиц. Ему чудится, будто и в домах никого нет, только тени от фонарей раскачиваются по стенам. И вдруг... В конце переулочка из-за угла кособокого дома появляется: бежевое пальтишко, вязанный беретик. Увидала его, руками замахала радостно и к нему бросилась. А он вдруг возьми да отвернись. В сердце у него обиды на неё скопилось, но какая именно—он и не помнит. А она бежит, бежит, беретик поправляет. Об обиде его ничего не ведаёт.

И вдруг жалость его пронзает—такая острая, внезапная. Жаль ему этого беретика съехавшего, и её—тоненькую, хрупкую, и радость её детскую жаль. Он резко оборачивается, но в тот же миг улица как сквозь землю проваливается, а вместо неё море накатывает—ночное, чёрное, без огоньков. Он стоит посреди вод на лоцманском мостике, а судна его не видать, словно оно под воду ушло. А может, и впрямь ушло? Только бы отыскать её в этой мгле беспросветной...

На этом сон обрывается. Виктор просыпается. Ночь. Все, кто не на дежурстве, спят изо всех сил, стараются как можно лучше отдохнуть. На море стараться нужно везде и во всём, даже в отдыхе, иначе не выдохнуть.

После войны ему удалось закончить курсы штурманов местного плавания и затем курсы штурманов дальнего плавания и получить работу в китобойной флотилии «Слава». Работа сложная, но благодаря ей открылось множество возможностей и для его журналистского пера.

Уже восемь лет как закончилась война. Это—на берегу. А в море она, наверное, не закончится никогда. Не отпускают её воды—то голосами погибших товарищей стонут в ночи, то призраками затонувших кораблей колеблются на поверхности. Образы те душу переворачивают, особенно в шторм, когда снова видишь лица тех, кто за борт корабля ухватиться пытается. А корабль

кренится, кренится... Да нет, это волны. Всего лишь волны.

На стене—фотография семьи: белокурая женщина в парке на скамеечке, сынок в коляске скривился, и он сам рядом с ними улыбается. В общем, всё как положено.

Виктор встаёт и закуривает. Думы о семье возвращают из сна в явь.

Таня... Судьба связала их в прямом смысле этого слова, если под «связала» понимать зародившуюся однажды жизнь Сашеньки. Когда Таня сообщила о том, что беременна, Виктор только голову опустил. От их механических встреч любовь так и не зажглась. Ну хоть ребёнок будет...

Как они познакомились, он точно и не помнил. Может, шёл по Приморскому бульвару, а она стояла, на море смотрела. Наверное, он решил, что мужа ждёт, и тоже подошёл, заговорил, спросив, на каком корабле муж плавает. Она, должно быть, удивилась и ответила, что не замужем, что море любит, а сама—из Сибири, приехала к подруге, да так и осталась.

А может, кто-то из знакомых представил их друг другу.

Три года после окончания войны Виктор провёл одиноко, время от времени знакомься с девушками, а потом так же быстро расставаясь с ними. И помнил он об этих встречах ровно столько, сколько помнят о набежавшей волне. Была—и нету.

Вот и с Таней всё было поначалу так же.

И как они стали встречаться, он тоже не помнил. Скорее всего, случайно, а потом всё как-то само собой завязалось. Он помнил уже, как они были вместе, как она навещала его, как ходили в кино. Похоже, она неплохая, думалось ему. Не мешаёт, много не говорит, сдержанная. Любовь он уже пережил, на грёбне побывал, дальше—обычная семейная жизнь. Без восторгов и разочарований.

Как Таня ко всему этому относилась, он не знал и не интересовался. Она была в курсе радистки из Баку, о которой он как-то обмолвился за рюмкой водки, но претензий не предъявляла и не расспрашивала его больше ни о чём. Ему вообще казалось, что после войны у всех всё перегорело внутри и каждый стремился лишь к элементарной устойчивости в жизни. Работа и семья делают

мир устойчивым, а из чувств самое устойчивое— уважение.

Уважение, кажется, между ними было. Во всяком случае, Таня им гордилась. Он не раз замечал, как она смотрела на него, когда он шёл к ней навстречу по бульвару, как слушала его, как встречала из рейса. Да и он старался её не обижать, проявлял внимание и всё такое.

Известие о ребёнке обрадовало его. В смысле— не огорчило. Значит, будем семью строить. Ей, конечно, он так не сказал. Вообще ничего не сказал, так и стоял с опущенной головой.

Вечером поделился новостью с матерью и Женей.

— Ты предложение ей сделал? — спросила строго мать, утерев слезу.

— Предложение? Я как-то не подумал об этом... А нужно?

— Конечно, нужно! Что ты спрашиваешь, как маленький? Твой отец был мне мужем, и ты с него пример бери, не дури! Ребёнок в семье расти должен.

— Он и будет в семье, только при чём тут формальности?

— Всё, разговор закончен. Предложение сделай и веди жену в дом.

Виктор вышел покурить, а Женя— за ним. Подошла, обняла тихо, в глаза заглянула.

— Ты её любишь?

— Люблю, наверное. По-своему...

— Что значит «по-своему»? Все любят по-своему, но когда любят, не говорят «наверное», Витюша.

— Ох, сестричка моя, да что ж теперь о любви рассуждать? Вот у нас новый член семьи появится скоро— это и есть самое важное.

— Да... Только не один, а сразу двое...

— Погоди... Да что ты? Неужели? Вот это новость! А что ж вы мне с Сергеем сразу не сказали?

— Ну вот, сразу... Сразу ты нам сказал, ну а я после.

Виктор почувствовал, как она улыбается в темноте. Сестрёнка у него что надо! Красавица, умница. Все на неё заглядываются. Нелегко пришлось ей: и за мамой уход нужен— сердце-то слабое, сколько пережила!— и по дому управиться (Сергей ведь с инвалидностью, позвоночник на войне пострадал), и на работе показать себя с лучшей стороны. Женечка быстро освоила профессию массажиста, закончила с отличием курсы, и молва о молодом специалисте быстро разнеслась по городу. Много ли надо для хорошей репутации? Помогла людям, они прислали своих друзей, и так по цепочке, по цепочке, пока не устроили молодого специалиста в лучший санаторий в Черноморке.

Женя оказалась талантливой не только как массажист. Она была чуткой к особенностям пациентов, думающей и при этом очень приветливой, просто лучезарной. Ей доверяли самых сложных пациентов, включая и большое начальство,

и каждый уходил от неё довольный и с улыбкой на лице. Никто и не подозревал, что в обличье лучезарного ангела скрыта настоящая железная леди, умеющая справляться с самыми сложными житейскими задачами и мягко, но твёрдо добивающаяся своего.

Виктор прижал сестру к себе, погладил каштановые волосы с завитушками.

— Женюля... Вот как время-то пролетело... Только сами детьми бегали, я тебя дразнил, за косички дёргал, а вот уже и родителями скоро будем,— он помолчал, затягиваясь и выпуская дым в сторону.— Я в рейс ухожу. Ты за Таней присмотри, ладно? Ну, сама понимаешь, если что нужно ей... Вы теперь в одном с ней положении, а у неё здесь из семьи никого, кроме нас... вся родня в Сибири.

Сказав это, он вдруг впервые проникся сочувствием к Тане, даже ощутил что-то типа вины перед ней. Да, не много тепла получала она от него, это правда. Жили как соседи за смежной стеной. Нехорошо...

— Так ты не оставляй её, Женюль. Обещаешь?

— Да не беспокойся ты, не оставляю твоё северное сияние. Только б сама не возражала против моей помощи. Суровая она у тебя, с гонором. Молчит, словом не обмолвится, а я вижу, как в ней гордыня бродит.

— Да уж, что правда, то правда, суровая она. Решительная. Как она мне эту новость преподнесла о ребёнке, ты бы видела! Глаза стальные, голос негромкий: если, мол, не хочешь отцом быть, то и не надо, обойдёмся без тебя. Я этот подтекст сразу понял.

— Ну вот ещё не хватало! Что это за подтекст такой? Мы что ж, кровинушку нашу на произвол судьбы бросим? Спятила она, что ли? Вот гордость до чего доводит!

— Да нет, Женюль, это ж я так сам подумал. А она, может, и вовсе не имела ничего такого в виду. Ты не сердись на неё.

— Ладно, не буду, но сердцем чую, что прав ты был. Так она и подумала. У тебя глаз далеко видит, глубоко смотрит. Помнишь, бабушка так приговаривала?

— Помню, помню. Как не помнить?— он затушил окурок.— Ну, пошли в дом, а то мать заждалась.

Расписались через несколько дней. Всё было просто, включая и его предложение. На следующее утро после разговора с матерью Виктор пришёл к Тане с букетом полевых цветов и спросил:

— Ну что, распишемся?

Ему показалось, что глаза у неё слегка увлажнились. Она молча взяла букет и скромно ответила:

— Хорошо.

После загса отправились к Виктору. Там мать уже накрыла на стол. Квартирка на Мясоедовской была ветхая, обшарпанная, приспособленная для

жилья из какого-то чердачного помещения, зато на втором этаже, самостоятельная, с окном на крышу, небольшая прихожей и закуточком для кухни.

Внизу жила тётя Циля с невесткой Мусей и сыном Яциком, и Муся всегда мыла лестничную клетку Виктора.

— О, старается вже,— говорила тётя Циля, когда невестка старательно шерудила тряпкой по лестнице.— Ты бы ишо к нему палубу пошла драить.— Та шо вы такое выдумываете, мама?— огрызалась раскрасневшаяся Муся.— Какую ишо палубу?— Знаем мы какую.

— Яцик, пойди угомони свою маму, Расскажи ей за дружбу народов,— отдуваясь, звала мужа Муся.

Выходил Яцик в тельняшке, чесал живот и вываливал тараньку на стол посреди двора.

— Нехай, мама, она чистоту сделает. Шо, тебе не всё равно? Меньше пыли будет на голову сыпаться. А Витюх мне коллега.

— Да какой он тебе коллега?! Ты бындюжник, а он— морская интеллигенция!— взрывалась Циля.— Слухал бы маму, тоже интеллигенцией стал бы.

— Ой, скажите уже сразу, мама, шо вам невестка не та досталась,— отжимая тряпку откликлась Муся с последней ступеньки.

— Ай, брось,— махала рукой Циля, желая закрыть тему.

— Ну так я и знала! А кошёлки с буфета вам, значит, подходить.

Это был козырь, и на нём перепалка прекращалась.

Сегодня Муся особенно тщательно вымыла лестницу по случаю бракосочетания дорогого соседа. Когда молодые пришли, лестница блестела, и пахло свежевывмытыми досками.

— Поздравляемо,— встретила их у порога Циля.— И Яцик с Муськой велели передавать вам свои поздравления. Муська перед работой всё надраила— это вам её свадебный подарок.

— Спасибо, тётя Циля! Заходите к нам, посидим,— пригласил Виктор.

— Та не, я на Привоз. Умине таранька вже созрела на окне. На тебе от меня связочку— свадебный подарок пусть уже будет.

— Спасибо вам! А таранька замечательная у вас, самая лучшая. И душистая какая!— Виктор с наслаждением понюхал связку лоснящейся рыбки.

— Ну идите, идите— ваши вже сидять там, ждуть.

За стол сели сразу. По-деловому выпили, закусили. Никто даже «горько» не крикнул. Да и кому было кричать? Мама да Женечка с Сергеем.

Вскоре Виктор ушёл в рейс, а когда вернулся, Таня уже изменилась. Суровость заретушировалась мягкостью, словно округлость форм повлияла на её внутреннюю строгость. Впервые за все эти месяцы он улыбнулся ей при встрече, прижал

к себе, погладил по плечам. Она стояла, не зная, чем и как ответить на эту неожиданную ласку, и он, ощущая её напряжённость, отпустил её и прошёл в комнату.

В нём начался уже процесс брожения, словно что-то стало оттаивать внутри, и он знал, что это было началом возвращения. Не к ней— к себе. Он вдруг ощутил весну за окном, удивился, что не заметил цветения акации, когда шёл по улицам, и долго ещё смотрел из окна на деревья, на крыши, забыв о Тане, о том, что они были почти четыре месяца в разлуке.

Когда он наконец повернулся к ней, это был уже другой, незнакомый ей Виктор.

За обедом она опускала глаза всякий раз, как ловила на себе его взгляд. Вечером расстелила постель и вдруг ощутила стыд при мысли о том, что должна раздеться и лечь с ним рядом.

Она любила в нём айсберг, любила, не приближаясь, восторгаясь им на расстоянии, обходя его. Она любила эти ледяные воды, по которым шла к нему почти незамеченной. А теперь, когда вдруг началось потепление и айсберг окинул её человеческим взглядом, она отпрянула, не зная, как с этим быть.

Она потушила свет и молча легла, то ли ожидая чего-то, то ли готовясь ко сну.

Это она, думал Виктор, разглядывая её в темноте, моя жена. Это навечно, навсегда. Ну что ж теперь поделать! Он коснулся её руки, лежащей поверх снежной постели, и тепло его было враждебным всему, что доселе хранило её любовь.

Вскоре он ушёл в рейс, потом ушёл снова, потом родились Сашенька и несколько строк в записной книжке:

Он в последний раз взглянул на пристань,
Быстро уходящую назад.
Вечер. Городских огней монисто
На минуту приковало взгляд...

Он скорей угадывал, чем видел,
Мимо проходящие места
И как будто на волшебных крыльях
Уносился мысленно туда...

Он любил родные берега, любил с особенной тоской, когда отчаливал, и с особенной остротой, когда приближался к ним. Что же касалось всего остального, то тут уж нести его волшебным крыльям было некуда, разве что в сны. А там жила другая, даже не жила, а пыталась прорваться сквозь толщу небытия, сквозь воронку военного времени, материализоваться хоть на мгновенье. И это сводило с ума. Хоть не ложись...

Таня не снилась никогда. И постепенно он понял, что любовь— это когда мечтаешь о женщине. О Тане он мог только думать, вспоминать. А вот об Л. он мечтал постоянно.

Работа была его страстью. Без моря он себя не представлял. Молодая страна была его Пенелопой, и ею он гордился не понарошко. В какой бы иностранный порт ни заходила «Слава», местные жители встречали моряков как героев, признавались, что желали посетить или даже навсегда переехать в расчудесную Страну Советов. Ну как же тут не возгордиться?!..

Последний рейс выдался особенно сложным, напряжённым. Да и когда китобойцу было просто? В те годы об этом не принято было говорить. Это спустя уже десятки лет на морском вокзале в Одессе установят мемориальную доску памяти моряков, погибших на антарктической китобойной флотилии «Слава» во время рейсов, а пока... Пока, по морскому обычаю, «седой океан» принимал их тела, оставляя единственную возможность любимым и близким помянуть их, придя к берегам...

Двадцать три человека на маленькой скорлупке, и у каждого свои мысли, свои надежды, свои желания. Но у каждого — одна общая мысль, одно стремление: не отстать, не посрамить чести отчины. Тяжело, а порой даже очень. Приходится работать в потоках воды, то и дело обрушивающихся на палубу. Палуба скользит и уходит из-под ног, качка, ледяной ветер пронизывает до мозга костей, но надо работать, нельзя отстать, и вся команда в насквозь промокшей одежде преодолевает трудности, делает своё дело. Ни одной жалобы, ни одного упрека.

В суровых морях, в атлантических водах,
Где серые дни, словно волны, плывут,
Где сердце моё зачерствело в походах, —
Немало испытано сильных минут.

Вот ветер крепчает, и волны, как звери,
Окутавшись пеной, грозятся бедой.
Корабль болтает, стучат где-то двери,
И кажется — небо сольётся с водой.

Корабль, как пылинка средь грозных громадин,
То на гору лезет, то в пропасть летит.
Надстройки и винты в ледовом наряде,
И в сто тысяч флейт лютый ветер свистит.

Он делал записи в кратких перерывах между сменами, иногда даже не успевая переодеться в сухое. Запечатлеть происходящее было важнее, чем уснуть, тем более что напряжение дня не давало расслабиться и в минуты отдыха. Ложишься, а мысли наплывают, напрягаются мышцы, перед глазами — картины сражения со стихиями. Бывало, ворочаешься с боку на бок до рассвета или начала своей смены и встаёшь после такого, с позволения сказать, отдыха с чугунной головой. Только на ледяном ветру и наступало отрезвление.

Все ждали Монтевидео. Он нёс с собой освобождение от ледяных оков, от нещадных розог хлёсткого

ветра. Мечты о Монтевидео срабатывали почище любого снотворного. Укладываешься, закрываешь глаза — и вместо прежнего необоримого напряжения впадаешь в нирвану, чувствуешь, как по телу разливается тепло от воображаемого благоденствия, и снится земля, обещанная картами и компасами... Земля обетованная...

Наконец, по судну разносится долгожданное: «Подходим к сорока градусам широты». На небе появляются весёлые светлые тучки, подуют себе с разных сторон ветерки, а Жора мучает аккордеон и слух окружающих. Уже шестнадцать градусов тепла. Через полтора суток начнутся порты Монтевидео.

Монтевидео, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро — мечта Остапа Бендера — постепенно вырисовываются на восточном побережье Южной Америки.

День и ночь из репродуктора льются песни. Команда готовится к порту. Моют помещения, импровизированные парикмахеры кромсают волосья и стараются сделать причёску, причём иногда это даже удаётся.

Вытащены на свет костюмы, их тоже надо привести в порядок — почистить, погладить, пришить оборванную пуговицу.

Сброшены тёплые вещи, и как-то непривычно налегке — будто чего-то не хватает.

А радио в Монтевидео уже сообщило о предстоящем причаливании «Славы» в порт. Длинной сверкающей цепью горят огни большого города, а над ними занялась красавица Венера...

Вот и Монтевидео.

Корабли ошвартовались у отдалённого пустынного причала, куда местным жителям вход воспрещён.

Мы отгорожены невидимым забором полицейских законов от населения города. Но стремление жителей хотя бы издали посмотреть и поприветствовать советских моряков и изобретательная личная инициатива владельцев катеров одерживают верх. С утра в воскресенье мимо борта проходит первый катер. Пассажиров очень много. Все они машут руками, платочками, выкрикивают приветственные слова. Катера следуют один за другим. Хорошая прибыль для держателей катеров и новое беспокойство для полиции. Приказывают не приветствовать, но попробуй удержать руку с приветствием и зажать рот человеку!

Здесь же, в порту, стоит американский ледокол антарктической экспедиции. Офицеры ледокола во главе с адмиралом наносят визит на «Славу». Ледокол завтра уходит в Антарктику. Адмирал преподносит в честь визита комплект карт Антарктики, производится обмен кинофильмами для просмотра. Вечером мы смотрим американский фильм «Высадка на Антарктический континент».

Американцы смотрят наш фильм «Советские китобои».

С утра ледокол проходит мимо наших кораблей. Команда и офицеры выстраиваются на палубе, приветствуя советских моряков. На мачте «Славы» взвился сигнал из трёх флагов: «Счастливого плавания»,—и тотчас же с ледокола последовал ответ: «Благодарю».

В полдень моряки вышли в город. Он был большим, ярким, праздничным, с множеством магазинов, баров, театров и ресторанов с морепродуктами. Повсюду красовалась реклама, пестрели многоцветные плакаты, афиши.

Город живёт допоздна, и утром на улицах ещё не успевают убрать скопившийся мусор. Из трёх миллионов населения Уругвая одна треть проживает в столице—Монтевидео. Может быть, поэтому город имеет тот особенный вид, отличающий его от городов европейских государств. Центральные улицы широкие, чистые, с крупными магазинами. Тут можно встретить последнюю модель американского автомобиля, и буквально в ста метрах стоит на козлах в ремонте старенький «форд» на колёсах со спицами, который уже четверть века колесил по дорогам Америки. Переулки грязны и неблагоустроены, на тротуарах выбоины, но реклама и здесь так же пронзительно, как на главных улицах, кричит о чуде, изготовляемом той или иной фирмой. Вездесущая кока-кола приютилась даже у скромной будочки мелкого торговца.

В магазинах глаза у всех разбежались, и пафос советского бытия несколько снизился, а вскоре и вовсе улетучился. Моряки хватали вещи для себя, для своих жён и невест, не примеряя ни брюк, ни рубашек, а просто прикладывая всё к себе.

Хозяин одного из таких магазинчиков пытался зазвать моряков в примерочную, показывая отдельные кабинки с зеркалами. Но никто не обращал на его призывы никакого внимания. — Ну а вы чего стоите, молодой человек?—обратился владелец магазина к Виктору на английском, заметив, что молодой штурман в раздумьях стоит перед ворохом женских вещей.—Для кого выбираете?

— Для жены...

— Замечательно! Какая она? Опишите.

— Ну... красивая.

— Само собой. А какие у неё глаза?

— Голубые глаза...

— Блондинка?

Виктор кивнул.

— Так она у вас действительно красавица!—воскликнул хозяин.—Блондинкам идёт голубой. Вот платье из голубого шифона. Ей пойдёт. Она худенькая?

— Стройная.

— Ну да, конечно. Так это прямо для неё! Не беспокойтесь о цене—сделаю хорошую скидку.

— Да нет... дело не в скидке...—вздыхнул Виктор, слегка переминаясь с ноги на ногу.

— А в чём?

— Нужно что-то... поскромней. Она такое не носит.

— А! Понимаю. Тогда—вот,—он снимает с вешалки голубую блузку из хлопка с белой оторочкой.—Ну как?

Виктор кивает.

— Что-то ещё? Может, у вас есть сестра? У меня очень обширный отдел женской одежды.

— Вон то платье сколько стоит?—Виктор показал на чёрное атласное платье с расклешённой юбкой.

— У вас хороший вкус, молодой человек. Оно подойдёт молодой шатенке.

Виктор кивнул:

— Сестра и есть шатенка.

— Тогда она останется довольна, поверьте мне. А мать у вас есть?

— Да, но...

— Прекрасно! В придачу к вашим покупкам я дам вам замечательный кардиган для женщины средних лет. Это будет подарком вашей маме от моего магазина.

Виктор замаялся. Тем временем хозяин принёс кардиган, слегка покачивающийся на вешалке.

— Вот, смотрите, какой красивый и... весьма скромный. Вашей маме должно понравиться.

— Нет, я так не могу...

— Простите?

— Без денег не могу.

— Как скажете. Тогда придётся выбрать другое платье для вашей сестры. А это идёт с кардиганом от магазина. Таков бизнес, молодой человек!—хозяин усмехнулся, выжидая.

Виктор взглянул ещё разок на платье. Больно уж красивое. Женечка любит пощеголять. Виктор вздохнул:

— Ну ладно, раз уж у вас тут такие правила...

— Да, у нас тут такие правила. Ну что, берёте платье?

— Беру, конечно...

Хозяин взял сущие пустяки за свой товар и, казалось, был рад больше Виктора, который вышел из магазина в полном смятении.

— Молодой человек,—окликнул его хозяин, когда Виктор спускался по ступенькам,—в следующий раз купите что-то и для себя. Рядом с такими нарядными леди должен быть соответствующий одетый джентльмен.

Виктор кивнул и отправился в порт. По дороге его окликнули из проезжающей мимо машины:

— Виктор!

Машина притормозила, и он увидел своих с корабля.

— Садись, подвезём,—махнул ему рукой Жора, приоткрыв окно.

— Правда? Ну, давайте!

— Только мы сначала в один магазинчик заскочим вещи свои забрать. Прикупили там кое-что, а хозяин предложил кульки у него оставить, чтоб нам налегке побродить по городу. Вот теперь в магазин заскочим и оттуда сразу в порт.

— Ну, поехали!

У входа в магазин их ждал работник с пакетом, в который были вложены кульки.

Хозяин уже ушёл, а работнику велел дожидаться моряков.

— Ваши вещи, господа моряки,—сказал им работник с улыбкой, передавая пакет.

— Спасибо! Мерси! Танк ю!—каждый поблагодарил на свой лад.

Работник ещё раз улыбнулся, все махнули ему рукой на прощание, и машина рванула по направлению к порту.

— Ну и ну, хлопцы,—подивился один из моряков, заглянув вовнутрь пакета.—Так усё аккуратно сложено, як в кубрике перед проверкой. У нас такого обслуживания я николаы и не бачив...

— А шо ты вообще бачив у себя на Молдаванке?—фыркнул Жора.

Все рассмеялись.

Незаметно доехали до порта. Посмотрели, сколько по счётчику, сложились и протянули таксисту деньги. Он отрицательно замотал головой, давая понять, что денег не возьмёт с таких редких гостей. Как ни упрасивали его, он лишь продолжал отрицательно мотать головой и говорить что-то по-испански, оживлённо жестикулируя. Моряки тоже не соглашались прокатиться задаром и в конце концов нашли компромисс. Один из них достал ассигнацию и написал на ней: «Уругвайскому другу от русских моряков». Все с радостью расписались, и ассигнация перешла к шофёру. Тот бережно положил её в бумажник и крепко пожал морякам руку на прощание.

Когда вернулись на корабль и стали разворачивать кульки, вдруг обнаружили ещё дюжину брюк в придачу. Все, естественно, всполошились, стали гадать, что бы это могло значить.

Кто-то выдвинул версию, что это подвох со стороны хозяина.

— Испытываете нашу честность, господин?—выкрикнул догадливый, размахивая парой брюк.—Напрасно! Завтра все айда в магазин с этими кулками!

Его поддержали с большим энтузиазмом и тоже стали вытряхивать из кулков дармовые вещи и размахивать ими в воздухе, присвистывая.

Виктор хотело было пояснить, что это просто подарки от магазина, рассказать о том, как один хозяин дал ему в придачу вещицу для матери, но вовремя прикусил язык.

В полдень следующего дня брюки были вежливо возвращены владельцу, невзирая на его попытки посягнуть морякам, что это подарок.

На обратном пути в порт все были очень оживлены, гордились собой и решили отметить «такое дело». Зашли в ближайшую бадегу и за пивом долго ещё перемывали косточки хозяину магазина, ругая провокаторов-капиталистов.

Выпив по несколько кружек, моряки разомлели, и боевое настроение сменилось лирическим.

— А я вот вам историю одну сейчас расскажу, хлопцы,—сдув пену с очередной кружки, сказал Лёха-механик, плававший раньше на пассажирском теплоходе.

Все притихли, зная, что Лёха—кладезь занимательнейших историй и говорит как по писаному.

— Не иначе как за любовь сейчас начнёт травить,—подмигнув всем, сказал его друг Жора-аккордеонист.

— Точно, за любовь,—кивнул Лёха.—Только вот за какую любовь?

— За какую же?

— За самую высокую.

— Ну давай, трави за высокую.

Все рассмеялись, но тут же смолкли, сгрудившись вокруг Лёхи.

— Так вот,—начал Лёха, отхлебнув из кружки,—дело было во Франции. Теплоход наш готовился уже к отплытию. Всё как положено: пассажиры по трапу с вещичками поднимаются, с пристани им машут, те машут в ответ, кричат что-то. Ну, мы, понятно, вещички помогаем пронести вовнутрь, приветствуем прибывших, то да сё... В общем, работаем по уставу. И вот почти всех уже погрузили, ещё чуток пассажиров у трапа осталось пропустить, а тут в самый последний момент глядим—мужик один седовласый, средних лет такой, к концу очереди подходит. В руках багаж, сам подтянутый такой, как боцман наш Петрович, и лицо у него тоже как у Петровича—волевое такое. Сразу видать—жизни понюхал. Ну так вот. Подходит он, значит, к трапу, а рядом женщина, жена его, тихая такая, ничем не примечательная. Обыкновенная русская женщина, каких много. Я б и внимания не обратил, коли б не её выражение лица.

— А шо ж за такое выражение, Лёха?—с иронией поинтересовался Жора.

— А такое, что и не перескажешь, Жора. Глаза—как два колодца с тёмной водой. Будто всю ночь в слезах провела. Ну, думаю, что-то тут нечисто. Хлопцы наши тоже насторожились, друг с дружкой переглядываются. Рейс-то долгий, каждый на виду, все повязаны на две недели минимум, деваться-то некуда до самого прибытия. Так вот, разглядываем эту парочку, смекаем, в чём тут дело, а за ними ещё двое, тоже с теми же горестными лицами. Как оказалось, это дочь ихняя, лет так двадцати

трёх—двадцати четырёх, и молодой француз, муж её. Француза я сразу по виду определил. Такой себе весь франтовитый—шарфик, беретик... А она... Ну совсем из другого теста. Статная такая, волосы русые, тяжёлые, короной уложены. А глаза... озёра. Нырнёшь—не вынырнешь. Таких глаз ни у кого не сыщешь, окромя женщин Русского Севера.

— Ну уж и загнул ты, Лёха! Небось, в кино насмотрелся,—хмыкнул кто-то из слушателей.

— В кино, как же!—отпарировал Лёха.—Вон у Виктора такая же северная царица дома ждёт.

Все оглянулись на Виктора и согласно закивали. — Ты давай продолжай, не отвлекайся,—смущённо пробормотал Виктор, отхлёбывая пиво из кружки.

— Я—что? Я для наглядности... Ну вот... Подходят они, значит, к трапу, предъявляют билеты и удостоверения, родители по-быстрому с французиком раскланиваются, без лишних эмоций, и поднимаются на корабль. И тут, братцы мои, начинается такая сцена, такая сцена, которую не забыть мне вовек. Как сейчас вижу. Оборачивается она к своему французу, он глаз с неё не сводит, белый такой стал, а она как бросится ему на шею и как запричитает что-то по-ихнему. А он как всхлипнет, как схватит её, как прижмёт к груди и умоляет, и умоляет, чуть ли не на коленах. А она только головой качает и рыдает, качает и рыдает. Ясно, что отказывает ему. Все притихли, пассажиры застыли на местах, кто где стоял, и смотрят в одну точку.

И вдруг француз как выкрикнет на ломаном русском: «Наташа, я не могу без тебя жить! Остайся, умоляю!» Женщины в толпе уже всхлипывают... А тут второй гудок. Наташа на теплоход глядит. Там на палубе родители её стоят, смотрят, ни слова не говорят. Ну, думаем, останется Наташа ихняя с французом, как пить дать останется. А она вдруг выпрямилась, резко так, обхватила ладонями его лицо, порывисто поцеловала и побежала к трапу.

Он и опомниться не успел. Стоял как вкопанный, глядел ей вслед. И только когда она уже поднялась по трапу, закричал что было сил: «Наташа!» Она вся аж задрожала, схватилась за поручень, но не обернулась и звука не издала в ответ на его призыв. Команда замерла. Я взглянул на капитана. Тот сверил часы и отдал приказ отчаливать. «Ничего, скоро успокоится,—сказала пассажирка-француженка, когда мы отчалили.—Французы долго грустить не могут. До первой женщины». Да...—он отпил ещё немного из кружки и задумался.

— А дальше? Что было дальше?—послышались нетерпеливые возгласы.

— А дальше—теплоход отошёл, опустел причал, и только тот француз стоял и смотрел нам вслед, пока не исчез из виду. Плыли мы неделю. Потом показали родные берега. Все оживились, забегали, а те трое выстроились на палубе и всё всматривались в ту серую полосу земли, что называлась родиной.

Лёха сделал паузу, и на сей раз никто не осмелился нарушить её. Все вдруг как по команде увидели внутренним зрением ту самую полосу.

Лёха продолжал:

— Ветер подул. Холодный северный ветер. Трошки покачивало. Они были одеты в лёгкие демисезонные пальто, и чувствовалось, что очень продрогли, но с палубы не уходили. «Господи, дождались-таки увидеть тебя, Россия-матушка!— всё приговаривала мать.— Как-то ещё жить будем, а всё дома, всё у себя. И помирать на своей земле не страшно»...— Лёха снова выдержал паузу и заключил:— Так-то. Большая любовь...

Ещё несколько минут все молчали, потрясённые неожиданной концовкой и думая о большой любви.

Начало вечереть. Закатное солнце налилось спелым яблоком, медленно готовясь к приводнению.

Пожав на прощание трудовую руку хозяина бадеги, моряки отправились на корабль.

Возле порта к шумной компании подошёл мужчина в чёрном берете и на ломаном русском предложил взглянуть на пару молоденьких весёлых девочек.

— Вы можете хорошо провести с ними вечер. Стоит недорого,—сказал он.

Разгорячённые выпивкой и происшествием моряки выслушали его предложение, соображая, что сказать. Кто-то уже собирался спросить о цене, но тут на арену вышел зачинщик похода в магазин и с завидным хладнокровием ответил за всех:

— Не стоит беспокоиться, синьор, нас ждут наши девушки, которые не продаются за деньги.

Все радостно закивали. Сутенёр явно опешил. — Воля ваша, воля ваша,—промямлил он, отступая в тень.— Необычно как-то... Моряки вообще-то никогда не отказываются от женщин...

— Моряки разные бывают,—отпарировал зачинщик. И прибавил:— Айда на корабль, ребята! Поздно уже.

В день отплытия на набережной собрались горожане. Кто-то пришёл с цветами, кто-то с кулками конфет, кто-то с шариками. Команда стояла у трапа и благодарила всех за радужный приём, за дружбу. Среди прощавшихся был один русский, семья которого переехала в Уругвай ещё в 1914 году. Сам он родился здесь, но русский знал превосходно и умел читать и писать. Несклько раз он навещал корабль вместе с членами Славянского общества и рассказывал, что выписывает «Известия» и «Огонёк». Начитавшись этих периодических изданий, он так проникся энтузиазмом на их страницах, что помышлял всерьёз поскорее вернуться в Советский Союз. Он ругал Уругвай, безработицу и проституцию и сокрушался, что пока не может купить билет до СССР. Разрешение на выезд он уже получил, но билет стоил очень дорого. Судя

по всему, это препятствие он намерен был преодолеть в ближайшем будущем.

Его восхищала идея освоения целины, он с жаром говорил об этом во время встреч с моряками. А недавно он прочёл о том, что один из жителей их города, по профессии бухгалтер, уже уехал на целинные земли и успешно работает там трактористом.

— Многие из нас мечтают приехать в Советский Союз,— говорил русский уругваец на не совсем естественном языке, явно начитавшись передовиц.— Мне, знакомому с сельским хозяйством, не потребуется много времени для обучения. Я могу выполнять любую сельскохозяйственную работу, управлять трактором. Мы знаем, что работа там найдётся для нас и на шахтах, и на стройках, и на целинных землях. Мы себе ясно представляем, что на первых порах будет трудно, но наши руки не боятся никакой работы, а сознание, что работаешь для себя, для своей страны, а не для набивания карманов капиталиста, удесятерит наши силы.

Он горячо распрощался с командой, воскликнув напоследок:

— До скорой встречи, друзья, в вашей стране, когда я получу право назвать вас товарищами!

Всё это напоминало сцену из какого-то популярного советского кинофильма. В подобные минуты команда и чувствовала себя как в кинофильме, в который верили и которым жили. Советы получили неслыханную и опасную популярность за границей, что поддерживало и удесятерило царивший среди моряков патриотизм. Они жили и чувствовали в унисон с теми, кто радостно приветствовал их в порту, и это спланивало и придавало сил.

Знали ли китобои о том, что происходило в оркестровой яме, откуда доносились бравурные марши? Судя по всему, ровно столько же, сколько сухопутные знали о корабельной жизни.

Вот вкратце реальная картина нашего бытия. Путь в Антарктику. Отошли от пристани, и родные и близкие остались позади, и единственная связь с ними— это коротенькие радиogramмы, в которых так много сказано и так много хочется ещё сказать. Впереди тропики, экватор. Жара невыносима. В машине температура доходит до семидесяти градусов. После вахты ночью отдохнуть нельзя— духота. На палубе, если есть незначительный ветерок, немного получше, но к утру встаёшь мокрый, сильные испарения, роса. Отсюда— головные боли, недомогания. Затем— неделя отдыха в умеренных широтах, но только если не подует встречный штормовой или даже пятибалльный ветер. Тогда стоишь на мостике в потоках воды, весь мокрый до нитки. Плащи не защищают. На камбузе кок, как акробат, воюет со своими кастрюлями, которые то и дело стремятся

улететь с плиты. На койке трудно улежать, хотя и привыкаешь к этому. Временами висишь в воздухе и снова падаешь на матрац.

Барометр скачет вверх и вниз. На день десять перемен: то снег выпадет, то туман холодный и какой-то колючий, потом вдруг внезапно рассеется, на минуту выглянет солнце и опять спрячется; и тут без всякого перехода начинает моросить мелкий, до невозможности тоскливый дождь, который так же внезапно может смениться снегом. Влажность и мерзость. Ветры постоянные. За последний месяц было всего около десятка дней без штормового ветра. Да и ветер тоже особенный. Начинается с определённого направления, потом заходит по часовой стрелке почти что на сто восемьдесят градусов, после чего— снова, но уже против солнца, возвращается в исходное направление. Так может продолжаться три дня, неделю, две... И всё это время болтанка.

В общем, метеорология Антарктики и план флотилии— две вещи несовместные. Но мы идём против метеорологии и китам не даём покоя даже в шторм.

Наконец— порт. После месяца пути— два-три дня стоянки, и странным кажется, особенно во сне, что не слышишь шума винта, работы машины, что нет качки. Поэтому в первую ночь и уснуть не удаётся. А через три дня снова океан, и теперь уже на четыре месяца забудь, что такое земля.

Но забыть о земле нельзя, никак нельзя. Земля— это большая любовь. Она придаёт сил, вселяет надежду, исцеляет. Он думал о том, как заблуждаются те, которые считают, что морякам свойственна романтика моря. Нет, морякам свойственна романтика берега. И немудрено, что многое воспринимается ими по-иному, чем теми, кто на берегу. Это— психология моряка, вышел ли он в отставку или всё ещё плавает. Для него родной берег— святое место, идеал, к которому он стремится на протяжении всего нелёгкого плавания, а море— тяжело и буднично, и вряд ли он его идеализирует.

Босфор остался за кормой. Впереди раскинулось родное Чёрное море. И всё как будто бы стало иным. Кажется, какая может быть разница между Чёрным и, например, Средиземным морем? И там вода, и тут вода. И там ясное небо с теми же звёздами, что и тут. Но разница есть. Откуда-то издалека ветер приносит запах йодистых водорослей, звёзды тусклее и более знакомы, чем где бы то ни было в любом месте земного шара. Кажется, что даже дельфин черноморский прыгает вокруг носа не так, как в других морях.

— Знаешь,— говорит мне товарищ,— вот уже полгода, как ушли мы из своего порта и каждый раз считали дни, когда снова увидим родные берега... Очень ждали этой минуты... А вот сейчас, когда до порта остаются считанные часы, когда уже

осязаемо чувствуешь радость встречи, радость возвращения,— рождается какое-то чувство непонятное, жаль вроде, что последние часы рейса идут, что уже не будет будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого из нас появятся другие интересы, кроме общих.

Что это? Любовь ли к морю или привычка к определённой обстановке корабля?

Мечты и реальность

Огни. Поздний вечер.

Виктор в последний раз оглядывает каюту. Тетрадь с собой, подарки в чемодане. Через несколько часов он уже будет сидеть в троллейбусе, а вся эта переполненная до краёв морская жизнь будет тихо плескаться на страницах его журнала в ожидании следующего рейса.

Домой он вернулся, как возвращаются из мечты в реальность. Первая встреча с семьёй прошла в умеренных широтах объятий и без горячих поцелуев.

Сашенька-крошка— тоненький, хрупкий, глазёнки открытые, карие, на мир смотрят галчатами. А мир холодный, строгий, того и гляди заморозит, в полёте остановит.

— Сашенька, Сашенька, ну что ты, я— папка твой,— приговаривал Виктор, поглаживая ребёнка по белёсой головке.— Ты не гляди, что небритый,— борода во льдах греет. Я сбрую её, завтра же и сбрую,— пообещал он, обняв ребёнка и чмокая Таню в прохладную щёку.

— Ни за что не хотел спать укладываться. Как услышал, что ты приезжаешь, вскочил и заявил, что будет папу ждать,— сообщила она в ответ на приветствие.

Сашенька внимательно глядел на него, не проронив ни звука.

— Вот ты какой... Серьёзный. Что, дождался папку? Дождался!— Виктор присел на корточки и взял его за тоненькую ручку.— Ну что? Узнаёшь? Мамку-то охранял тут без меня?

Сашенька смотрел молча на него во все глаза. У детей время совсем по-иному течёт: от первой мысли до первого слова— вечность. У Сашеньки вечность прошла с тех пор, как отец ушёл в плавание. Он уже и говорить понемногу начал, хотя молчун по натуре, как его батька. Смотрят друг на друга, словно изучают свои собственные отражения во времени.

— Ну что ж вы стоите?— подтолкнула их в комнату Таня.— Будет ещё время изучить друг друга. Все уже ждут, и стол накрыт.

Стол действительно был накрыт, но всё так чинно, сдержанно. Хозяйка двигалась от стола в кухню, вносила блюда, голова величаво приподнята, светло-русая коса на ней короной уложена. Глаза серые, строгие. Так и не соприкоснулись душами...

Виктор бросился к родным напролом, сквозь ледяную завесу воздуха. «Дзинь-дзинь!»— посыпались за спиной лдяшки-стекляшки.

— Мама! Женечка!

Слёзы. Ну вот, всё и оттаяло, слава Богу. Достаточно во льдах он пожил. И водка, и вино— всё капало радостно на открахмаленную царевну-скатерть, и оливье из миски— шлёп мимо тарелки. Всё правильно, всё по-человечески! А теперь наполним-ка рюмки...

Все наполнили, у кого что было,— кто рюмку, кто чашку, кто кружку. Семья ждала ответов: трудно ли? холодно ли? опасно ли? А он медлил. Да разве расскажешь про всё это домашним? Разве расскажешь, как от холода вода не успевает сходить с палубы и заковывает судно в ледяную броню? А о том, сколько моряков в мешки зашито и дну предано, никому и поведать нельзя. Молчит вода, молчи и ты.

Эх, Антарктика, Антарктика, зачем тебя я узнал?!

Он наливает рюмку, а присутствующим вместо ответа на расспросы говорит:

— Выпьем-ка лучше за тех, кто в море!

Он хотел прибавить: за тех, кто пробивается к родным берегам сквозь туман и непогоду, кто рискует здоровьем и жизнью, кто выдерживает натиск стихий и кто никогда, никогда не посрамит чести отечественного флота. Но лишь прибавил:— За них...

Все молча опрокинули рюмки и задумались, а Сашенька на колени к нему взобрался— наконец-то признал!— и за бороду потрогал. Эко диво!

Вскоре все разошлись по домам, обнявшись на прощание и расцеловав ребёнка.

— Ну, пошли, сынок, я тебя спать уложу,— сказал ему Виктор, когда стихли шаги на лестнице.— Пора тебе. А завтра бороду сбривать будем... Будем, да?

Сашенька поглядел серьёзно, понять попытался, да где ему, детёнышу! Виктор рассмеялся и поцеловал его в нежную, пухом покрытую макушку.

— Поживём...

Проснувшись в своей постели на следующий день, он некоторое время не мог понять, почему они стоят на рейде, и только голос ребёнка вернул его к действительности.

Таня уже уехала на работу— она устроилась машинисткой в одном бюро, а Сашенька запрыгнул к нему в постель и первым делом потянулся к бороде.

— Завтрак на плите. Обед в холодильнике,— сообщила Таня, на ходу подкрашивая губы.

Виктор кивнул, оглядывая её в утреннем свете. Что у них было этой ночью? Близостью это вряд ли назовёшь. Скорее всего, отдаление. Чем ближе, тем дальше...

— Спасибо, — ответил он, глядя Сашеньку по голове.

Начались каникулы, отпуск, мечты о котором казались уже несбыточными в конце плавания. Казалось, так и будут они болтаться в водах, просыпаясь на одной и той же широте, как заколдованные. Виктор знал, что это переутомление, но поделаться с этим ничего не мог, только внушал себе, что скоро дом, а всё остальное станет воспоминанием. Ну вот он, дом, принимай и радуйся.

Каждый день, пока Таня была на работе, Виктор с Сашенькой ходили на море. Он учил сынишку плавать, читал ему книжки, кормил, укладывал днём спать. Потом возвращалась с работы Таня. Они все вместе ужинали, а после ужина шли в парк, ели мороженое, катали Сашеньку на качелях, возвращались домой и пили чай.

Семейная жизнь всё больше напоминала Виктору дальнее плавание, где море и берег поменялись местами. Берегом было его прошлое, к которому он стремился в штормовые минуты жизненных передраг.

Плавание в семейных водах становилось невмоготу. Видимый штиль отношений угнетал. Иногда его сменял тихий северный ветер, который только усугублял давящую атмосферу. Так прожили молчком неделю, не сдвинувшись с мёртвой точки. Впереди было ещё три. Три недели без цели.

— А я тебе говорю, не пара она ему, — делилась своими мыслями Ция с невесткой, наблюдая, как Виктор выходит с Сашенькой на улицу.

— Ой, мало вам своей невестки, так вы за чужую прыйнялись, — откликнулась Муся, мешая сливовое повидло.

— Так Яцик же тебя любит! Вон как гокает — скоро все пружины на кровати полопаются.

— Не выдумывайте, мама. Спите себе и спите.

— Так я ж не глухая!

— Яцик, иди угомони свою маму, а то у меня всё повидло повылезает из таза!

Неожиданно на подмогу пришло начальство. Виктору было предложено отправиться в Баку на курсы повышения квалификации. Когда-то во время войны он стремился попасть на те же курсы в Ростове в надежде, что туда переведут Л. и им удастся быть вместе на учёбе... Сбылась только первая половина его мечты — её действительно отправили в Ростов. После этого всё потеряло смысл.

Предложение поехать на курсы было воспринято им как глас провидения. Виктор взволновано ходил по квартире в ожидании, когда Таня придёт с работы, чтобы поделиться новостью.

Таня сразу смекнула, в какую сторону ветер дует, но перенесла всё молча, без объяснений, как это делала всегда. А что ей оставалось? Плавать он не бросит ради их семейной жизни, это было и так ясно, а со скандалом провозжать на курсы — только обострить то, что уже и без того обострено.

Виктор оценил её сдержанность и последние дни старался быть максимально внимательным. С Сашенькой у него это выходило естественно, и через него он оказывал знаки внимания и Тане.

— Сегодня мы пойдём с Сашенькой и с мамой в парк, — говорил он. — Будем кататься на каруселях. Мама наденет свою голубую блузку, которую папа ей подарил. Мама у нас красивая. Да, Сашенька?

Сашенька кивал в ответ и тянул его на улицу.

Прощание с семьёй было коротким. Виктор крепко обнял Сашеньку, поцеловал Таню, сел на парход и отчалил в город, где родилась его Л., его первая военная любовь. Лететь не хотел умышленно. Перелёт — это как быстрое перелистывание книги с целью узнать, что в конце. А движение по морю — это настоящее путешествие во времени. Каждая волна нащёптывает незабываемые минуты военной молодости.

В море всё живо и все живы. В отличие от суши, морское пространство не меняется. Можно вернуться спустя десятки лет в покинутые широты, и они встретят тебя такими же, как в пору первого знакомства. Что запечатлела морская поверхность, навсегда сохраняет глубина. Нужно только разглядеть...

Он ехал, наслаждаясь этой природной машиной времени, приказывая себе возвращаться только в хорошее и светлое.

Вспомнилось, как Л. рассказала ему однажды: «В детстве мы барахтались в воде, словно маленькие золотистые головастики, рыли ямки в песке... и нам было весело просто так — от солнца, от реки, от брызг. Мы были счастливы, просто счастливы, без всяких причин, как сама природа...» А потом вдруг взглянула на него и ни с того ни с сего спросила: «А ты сможешь написать о нас?» — «О нас?» — «Да, о нас. И об этой войне, и о сегодняшнем вечере, и о будущем». — «Не знаю. Наверное, смогу...»

Море переливалось. Маленькие золотистые головастики перепрыгивали с гребня на гребень, мигали, взметались с брызгами за кормой.

Постепенно солнце разлилось по горизонту, предвещая вечер. Он смотрел на бегущую вслед кораблю воду, а в ней мелькали картины памяти...

Что она чувствовала в тот последний день, когда ушла в рейс, не успев проститься? Больше всего боялась она уйти, не простившись. На этот случай они условились мысленно сигналить друг другу, сигналить изо всех сил.

В тишине погружающегося в бархат ночи моря Виктору почудилось, что он слышит эти сигналы, долетающие сквозь толщу времени, слышит её голос...

Свет уже окончательно истаял. Помогивало усеянное огнями небо, то же, что и тогда. Как давно это было! Да и было ли?

Он прислушался к всплескам воды за кормой.

Прости меня, прости, подумал он, разглядывая звёзды, её звёзды, и они дрожали и слегка удваивались у него в глазах.

За что просил он прощения? В чём была его вина перед ней? Он не знал, но чувствовал, что вина была.

Апшеронский полуостров раскинулся перед ним, как экзотический мир восточной сказки. Виктор ступил на древнюю землю Ширваншахов, некогда окружённую двухрядной крепостной стеной и рвом. Город восточных принцесс—загадочных, волшебных, как луна над звёздными водами...

Он бродил по улицам, прикасаясь ладонью к тёплым древним камням, представляя, что и она вот так же касалась их своей ладонью. Теперь их касания встретились, и камень навсегда сохранит отпечаток этой встречи.

Незаметно для себя дошёл он до Девичьей башни, некогда игравшей роль защиты города. Интересно, а была ли здесь Л.? Ну конечно же, была! Все девушки сюда приходили, и невесты, и жёны. По легенде, башня была выстроена шахом по просьбе его дочери, в которую он влюбился и на которой хотел жениться. Дочь бросилась с неё в день свадьбы, не видя другого выхода и желая избежать чудовищной участи.

Что за глупая легенда?—думал Виктор, прикасаясь к тёплым камням и подставляя лицо ветру. Ветер ерошил его волосы. Шум прибоя доносился снизу. На мгновения он погрузился в дрему.

Когда он открыл глаза, уже начинался закат. Он смотрел, как истончается закатный воздух и на нём вновь проступают узоры вечера. *Нужно идти. После захода солнца воспоминание о ней превратится в тень, а так она навсегда останется солнечным бликом.*

Больше он сюда не возвращался. Две недели он слушал лекции, вёл конспект, изучал необходимые вещи, а затем получил справку об успешном завершении учёбы.

Домой он отправился самолётом.

Проводы

Оставшиеся дни Виктор провёл в кругу семьи. Возможность подышать воздухом той, что брезжила в дымке его военной памяти, сказалась целительным образом на его состоянии духа. Он как-то успокоился, обрёл внутреннее равновесие, и навязчивые сравнения его семейной жизни с тем чувством, которое он пережил на острие войны, постепенно отпустили его. Он вдруг осознал, что эти две линии его судьбы—военной и послевоенной—как две параллельные прямые. Не могут они пересечься. Да и не надо.

Накануне отъезда родные и друзья собрались у Жени с Сергеем, чтобы проводить его в рейс, а заодно отметить его день рождения и успешное окончание курсов.

В тесной комнатке в коммуналке на шестнадцать семей Женечка-франтиха обхаживала гостей в новом платье из Монтевидео. Условия не ахти какие, но жаловаться не приходилось—всё-таки не подвал, и близко к центру. Неустанный звон вилок о тарелки звучал в ушах хозяйки лучше всяких похвал. Пришли Женины друзья и некоторые сослуживцы Виктора с жёнами. За шкафом, отгородившим Лорочкину кровать, играли дети, но так тихо и сосредоточенно, что Женя несколько раз наведальась к ним, проверяя, всё ли в порядке.

Сергей слушал застольную беседу, но участия не принимал, только подливал гостям вина и улыбался. У него было удивительное свойство растворяться в компании, словно на нём была надета шапка-невидимка. Мужчиной он был видным: высокий, поджарый, светлые волосы, голубоватые глаза. Он сразу обращал на себя внимание, но уже через несколько минут о нём забывали, как забывают о статисте на сцене. В нём не было никакой особенности, ничего, что привлекало бы к себе, и речь его была бесцветной, не окрашенной ничем личностным. Внешне это была красивая пара—яркая Женечка и импозантный Сергей. А как они уживались вместе, для всех оставалось загадкой.

К вечеру гости стали расходиться, пожелав Виктору удачного рейса и поблагодарив хозяйку за гостеприимство и вкусности. Женя смущённо улыбалась, понимая, что произвела впечатление не только своими кулинарными способностями и не только на опытных одесских хозяек.

Таня убирала тарелки со стола и относила их на кухню, пока хозяйка провожала гостей.

Когда все разошлись, Женя подошла к большому зеркалу и, удовлетворённо оглядев себя, поправила пояс на тонкой талии.

— Ну что, снова в дорогу?—сказал Сергей, наливая себе и Виктору на посошок.

Мать молча наблюдала за ними.

— Ну, давай... Будем!

Они опрокинули по рюмке и зажевали ароматным хрустящим солёным огурчиком с Привоза.

Тем временем Таня закончила убирать со стола и отправилась за Сашенькой.

Виктор понял сигнал, снял шинель с вешалки, надел форменную фуражку и обернулся к Жене:— Ну, бывай, сестричка! Спасибо тебе за всё. За приём, за угощение...

— Витюша, радость моя, с днём рождения ещё раз и удачного тебе рейса!—она порывисто, с некоторым даже вызовом, явно обращённым к хладнокровной Тане, обняла брата и несколько минут стояла, уткнувшись ему в плечо.

— Ладно тебе, будет... Не на фронт ведь провожаешь... — Виктор улыбнулся, отстраняясь.

Мать стояла, опершись на спинку стула, и долгим взглядом смотрела на своего такого уже взрослого сына. Виктор наклонился и расцеловал её в обе щеки, затем взял её руку и задержал в своих ладонях, словно напиваясь материнским теплом. — Мамочка... Не болей, слышишь?

Она погладила его второй рукой по щеке, как в детстве. Губы её слегка дрожали.

— Витюш...

— Ну что ты, что ты, родная, всё будет хорошо. Скоро вернусь, снова встретимся, только уже у нас. Я тебе привезу красивое платье... А ты... ты мне любя приготовь. У тебя самое вкусное!

Мать тихо кивнула в ответ, чуть задержав ладонь на его щеке.

Ночью Виктор лежал без сна, уставившись на блики от уличного фонаря на потолке. Таня тоже не спала. Сашенька посапывал в соседней комнате.

На душе у Виктора было беспокойно. Мама хоть и держалась бодро, но по лицу Жени он заподозрил что-то неладное. Когда они вышли на лестничную клетку, он спросил кратко:

— Что, хуже ей?

Женя замаялась. Ему в рейс идти, волновать не хочется.

— Ну, говори, не скрывай ничего.

— Нездорова мама. Недавно сознание потеряла... Сердце ослабло после всех переживаний...

Женя пообещала, что будет каждый день слать радиogramмы, чтобы братец не волновался. Но это не слишком его успокоило.

С тревогой в душе он и ушёл в рейс.

Тревожный рейс

Ночи в океане сотканы из тревог. Нахлынут — отхлынут, вновь нахлынут. А уж если небо заволакует и звёзд не видно, то и вовсе муторно на душе.

Ночь тёмная, тёмная. Тучи многоярусные скрыли все светила небесные. Не мелькнёт звёздочка, луна не осветит мрачный океан и льды, уходящие до самого горизонта. Вдали, справа, скорее чувствуешь, чем видишь, огромный айсберг. Свирепый ветер свистит и завывает. Брызги ледяной солёной воды то и дело срываются с гребней и обдают стоящих на мостике. На трубе толстым слоем выступила соль. Напрягая зрение, смотрит вперёд вахтенный, а свободная команда спит в тёплых каютах, спит спокойно. Их сон и безопасность, безопасность всего корабля охраняет вахтенная служба. Чем темнее ночь, чем сильнее ветер, тем зорче всматривается вперёд вахтенный. А впереди много опасностей! Огромные айсберги усеяли океан, стали на пути корабля плавающие льдины едва заметные, ночью почти сливающиеся с водой. Трудно различить даже вблизи.

На вахте всё время в напряжении. Бывает, ко всему ещё начинается снегопад. И стоишь наверху, на открытом со всех сторон мостике, под снегом и брызгами солёной воды. Холодно, сыро, ветер продувает насквозь, пробирается во все щёлочки одежды.

Да, далеко забрели мы от родной стороны своей. Моря и океаны, тысячи и тысячи миль морских дорог остались позади, и столько же впереди.

Ему часто снилось, будто он бороздит моря, а компас сломался, связь нарушена, и земля всё не появляется. После таких снов он первым делом бежал в радиорубку — проверить, есть ли что-то от родных.

Увы, радиogramмами его на сей раз не баловали. От Тани несколько сдержанных строчек, а Женя вообще замолчала. Некогда ей там, что ли? Это уже просто безобразие! Как можно так волновать человека, когда он вдали от родных, когда малейшее промедление приводит к упадку духа? А ведь ему нужно работать, выполнять план! Если бы они хоть раз побывали в его шкуре, вдали от всего, от земли, от родных, где тоненькая ниточка радиоволны — единственный пульс, единственная соломинка, за которую постоянно хватаешься после очередной вахты... Ах, женщины, женщины! Спите сейчас, небось, в своих тёплых постелях, и невдомёк вам, что ваш муж и брат уже столько суток мается без вестей. В последний раз тоже — такую бездушную радиogramму Женя дала: «Мама болеет. Женя». Кто же такие вещи в море посылает, а потом пропадает? Ну ничего, при встрече поговорим...

Иногда он вытаскивал из ящика материнскую фотографию и подолгу разглядывал её, изучая такие знакомые черты. Фотография была сделана в Феодосии, куда мама поехала с Женечкой в санаторий. Они стояли на лестнице, ведущей в парк. Женечка, ещё незамужняя, с фарфоровым личиком, глядела победительницей, а на ступеньку ниже — мама, слегка улыбающаяся, но со скрытой грустинкой. Так смотрят с портретов, когда жизнь уже далеко позади и ничего не больно, ничего не ранит, всё успокоено мыслью о законах природы. Мама, мамочка... Ну что же ты? Всё ведь только начинается — внуки, жизнь... Мы ещё поборемся! Поборемся ведь? Он смотрит на часы — те самые, с льдинкой стёклышка. Даже вода не разрушила их механизм.

Пора заступать на вахту.

Чёрный буревестник

Быстрый чёрный буревестник появился и сразу пропал за гребнями волн.

Всё говорило о приближении к суровым антарктическим водам. Исчезли летучие рыбки, хотя по небу проносились ещё светлые облака. Только позавчера невозможно было укрыться от палящего

солнца, а теперь и в меховой безрукавке холодно по ночам на вахте. Уже конец января. На душе тоже «ревущие сороковые», или, по английской морской терминологии, *Roaring Forties*. И с этим также непросто бороться. Но, сталкиваясь, внешние и внутренние стихии нейтрализуют друг друга.

Входим в «ревущие сороковые». Тихо, но тишина какая-то злоедающая, нервирующая. Бледные краски неба на заходе солнца, мутные испуганные звезды, резкий круг вокруг луны— всё это не к добру.

И правда— тишина продержалась только до утра.

Задул юго-восточный ветер, довольно редкий в этих широтах, и с каждым часом крепчал. Казалось, будто вся рассвирепевшая Антарктика набросилась на флотилию. Поначалу на судно неслись седые волны с опрокинутыми гребнями, затем ветер смыл их, сгладил и понёс с собой густую водяную пыль. Океан рокотал. Нет, это был не свист ветра в снастях— это был рёв взбесившегося демона, который, казалось, задался целью потопить маленький кораблик, запугать и нагнать страх на горстку людей, вступивших с ним в борьбу.

Ветер всё усиливался, барометр, поднимавшийся до этого момента, вдруг начал резко падать, как падает пульс у больного. Болезнь стала одерживать верх: пять баллов, шесть, семь, доходит до восьми. Разлохматился океан, и качка увеличилась. Идущий впереди танкер тяжело переваливался с борта на борт. Благо ветер был попутный, без стремительных бросков, и брызги не залетали на мостик.

Вдруг— тихий встревоженный голос в рубке: — Алло, девятый, будьте вблизи меня, ударился о подводную часть айсберга. Алло, девятый, я пятый. Как слышите меня?

— Ясно, пятый, иду на вас.

На мостике «пятерки» нёс вахту второй помощник Симохин— грузный, среднего роста, мало-разговорчивый, с широким одутловатым лицом и вздёрнутым носом. Рядом стоял капитан— небольшого роста, подвижный, темпераментный человек со смуглым лицом и чёрными курчавыми волосами. Оба всматривались в свистящую темноту ночи, пытаясь разглядеть часть айсберга.

— Где-то здесь рядом должен быть, да разве заметить в такой темь?— сказал Симохин.

Фонарик тьме.

— В радар видим айсберг,— послышалось сообщение.

Нет, это был даже не айсберг, а часть водяного барьера, опоясывающего Антарктиду. В длину он достигал шестнадцати миль. Чуть подалее такой же айсберг немного меньших размеров— двенадцать миль.

Капитан, не отрываясь от бинокля, пробормотал что-то в ответ, продолжая вглядываться в ночь.

Косые полосы снега закрыли горизонт. Холодно на открытом мостике, рулевой переминался с ноги на ногу.

Посреди гигантских валов движется китобойная флотилия. Китобоец то взбирается на гребень волны, то скрывается из глаз за её стеной. Ветер ревет и несёт ледяную пыль, волны заливают судно, вся палуба в воде, можно даже сказать— под водой, крен доходит до сорока— сорока пяти градусов. Только в шторм и можно представить себе бесконечно малую величину китобойца, что, как букашка, взбирается на гигантскую водяную гору, кренится, уходит по самую надстройку в воду и, отряхнувшись, как утка, вновь гордо появляется на вершине гребня, чтобы в следующий момент вновь сорваться по склону волны.

На китобойце номер пять непрерывно вращалась антенна локатора, светился бледно-салатным светом его круглый экран. Справа и слева на экране выделялись яркие светящиеся полосы— айсберги. Но до них далеко. Ближайший— в четырёх милях. Может быть, это был не айсберг, а кит, ударивший в борт? Иногда в отчаянии они могут таранить судно.

Виктор вспомнил утреннюю охоту. Бороздили воды, пока, наконец, не показался первый кит. Зрелище влажной, медленно выгибающейся из волн китовой спины всегда восторгало китобоев. На минуту все даже замерли, глядя, как это сооружение Господне ворочает толщами вод, отсвечивая на солнце. А потом началась охота, и весь трепет любования превращался в ажиотаж ловли. Морской гигант испуганно бежал от маленького китобойца, уворачивался, уходил в глубины, пытаясь спрятаться от преследования.

Один неосторожный выпад у носа вёрткого судёнышка решил судьбу кита и на сей раз.

Виктор смотрел, как срезали огромный хвостовой плавник и на нём вырезали цифру «1», а сверху «10»— номер китобойца, завалившего кита. Кит лежал влажной грудой плавников и жира, не имея уже отношения к морю, а только к прагматичному миру людских потребностей.

Резкий удар вновь потряс китобоец, и он накренился на левый борт. Капитан рванул ручку телеграфа «Стоп». Машина остановилась. Полуодетые люди выскочили наверх, не зная, что случилось. Капитан сбежал с мостика. Рядом с бортом плыли тёмные, сливающиеся с водой обломки разбитого ропака— стоящей ребром льдины. Значит, не кит... — В трюм поступает вода!— тем временем взволновано доложил боцман.

Зазвонили тревожные звонки авральных сигналов. Водяная тревога. Вся команда была уже на ногах и приступала к борьбе с обрушившейся на корабль стихией. Тяжёлый брезентовый пластырь был опущен на место пробоины. Вода прибывала. Волны разбили переборки, койки, мебель.

Команда едва держалась на ногах от усталости; скручивали в жгуты костюмы и оставшуюся одежду. В затопленном трюме уже работали водолазы, долбили деревянный настил, срывали доски, чтобы добраться до пробоины.

Острым крюком была порвана водолазная рубашка. Затоплен трюм, вода подходила к кубрику, палуба кубрика была залита водой, нижние койки затоплены, а вода поднималась всё выше и выше, и насосы не могли остановить бешеные потоки... Все стали на ручной насос, но усилия прибывающих людей не оправдывали себя—вода тоже прибывала, и её скорость и количество превосходили людские ресурсы.

Наконец уровень воды в кубрике сравнялся с уровнем воды в океане, и поступление её прекратилось. Кубрик был полностью затоплен, но судно держалось на плаву.

В радиорубке радист постоянно сообщал на базу обстановку на китобойце.

Капитан-директор отдавал приказы подчёркнуто спокойным голосом:

— Девятый, приготовьте все спасательные средства к действию, подготовьте к спуску шлюпки.

— Всё готово, товарищ капитан-директор, — слышалось в ответ.

Вскоре эфир смолк. Служебные разговоры были прекращены, все с тревогой следили за борьбой команды потерпевшего китобойца.

— Иду полным ходом к вам, — сообщил наконец капитан-директор.

Борьба команды за плавучесть корабля продолжалась до самого утра. Наконец база подошла к китобойцу. Завезены были дополнительные пластыри, мощный насос откачивал воду из трюма, за борт были спущены водолазы.

Трое суток нечеловеческих усилий заставили стихию отступить. Вода больше не прибывала, насосы продолжали откачивать её остатки, а электросварщик варил первый шов на растерзанном теле корпуса. На пятый день китобоец номер пять снова вступил в строй для полноценной работы.

Флотилия двигалась на запад и опускалась на юг, ближе к берегам Антарктики. Температура воздуха падала. Двадцать четвёртого февраля, в полдень, пересекли Южный полярный круг. Китов не было. Китобойцы рыскали по всем направлениям в поисках добычи.

У Виктора было двойственное отношение и к освоению Антарктики, и к собственно промыслу. С одной стороны — стремление выполнить план, соревновательный инстинкт, а с другой...

Очень многолюдно сейчас в Антарктике и Антарктиде. Рыщут по необъятным просторам океанов, как голодные псы, китобойные флотилии, пожирают тысячи и десятки тысяч китов и никак не

могут насытить своё чрево. Всё мало! А на материк впервые в истории земного шара высаживают-ся робинзоны от науки, следопыты последней неизведанной земли. Что нового принесут их смелые попытки проникнуть в тайну шестого континента? Меньше думать, больше действовать — вот, по-моему, лозунг этих, с позволения сказать, исследователей.

После удачной ловли Виктор всегда был на стороне пострадавшего моря. И действительно, как можно объяснить осиротевшей семье кита смысл этого убийства? Киты — известные однолюбы. Всякий знал, что оставшийся в живых кит будет тосковать и не находить себе места ещё долгое время, может, и до окончания своих дней, и эту тоску не залечить ничем. У этих громадин тонкая конституция, они чувствительны к магнитным полям Земли и не только. Они сентиментальны, привязанность их друг к другу сильна, они чувствуют, когда кому-нибудь из соплеменников неможется, и пытаются оказать помощь. Вид раненого страдальца-кита действовал удручающе на некоторых китобоев, и всякий раз хотелось поскорее остановить его муки...

Термометр показывал минус шесть. Айсбергов была тьма-тьмушкая. Они усеяли океан, и даже в сильнейший шторм могучие волны не в силах были поколебать их величественные громады, лишь мерно обтачивали их, придавая им причудливую форму колонн, портиков, арок и фантастических шпилей.

Дни стояли солнечные, ясные, и Виктор, не переставая, фотографировал эту ледяную красоту. Фотоаппарат он приобрёл незадолго до отъезда с целью запечатлеть все детали Антарктики. В объективе у него сиял ледовый дворец неимоверной красоты, вызывавший смешанное чувство восхищения и глубокой грусти. Он знал, что в один прекрасный день это сооружение, подтачиваемое волнами, истончится и развалится на тысячи опасных осколков.

Почему, думал он, Творец не создал ничего вечного, на чём бы останавливался глаз и отдыхала душа? Почему и природу поджидает та же участь умирания, что и однажды провинившегося человека? Для чего это ежеминутное напоминание о смерти в момент любования жизнью? К чему Господь очертил невидимую траурную каёмку вокруг каждого творения и каждого мига этой волшебной жизни?

С утра появились финвалы — сельдяные киты, вторые по величине животные на планете. Они бродили группами и не подпускали китобоев. Как те ни старались, гоняясь за ними до самых сумерек, ничего не выходило. Три выстрела — три промаха, дрейф.

На профсоюзном собрании, обычно скучном и официальном, разгорелись страсти. С планом

плохо, а гарпунёр—молодой, работает первый год. Все недовольны, гудят, объяснений требуют. Гарпунёр встал, оправдываться начал, что, мол, опыта у него маловато.

— Да, иногда и промахнёшься, иногда не туда повернёшь,—признавал он.—Но не только моя вина в том. Вот с бочки тоже не всегда говорят, когда кит выходит под носом. И боцман не всегда вовремя крикнет, куда пушку развернуть. А кит возьми и зайри...

Гул и ропот усилился, все на боцмана смотрят. Боцман поднялся—тоже молодой, три года как демобилизовался и усы себе отрастил запорожские. Руками в стол упёрся, на руки глядит и говорит едва слышно:

— Виноват. Не заметил я вчера того кита... Слежу, значить, за одним, на которого охотимся, ну и докладываю: справа. А другой, значить, возьми и выйди слева. Я его и не заметил. Ну, так получилось... вот...

Ему явно никто не сочувствовал, даже наоборот, все с каким-то раздражением слушали его мяленье. Тогда он пошёл в наступление—оторвал взгляд от рук, голос стал твёрже:

— А вот хотел бы ещё сказать об отношении к сопричастности—к своему добру, значить.

Слушающие хмыкнули. Ну вот, сел на своего конька, сейчас перевернёт всё с ног на голову. А боцман, заметив это, ещё больше раззадорился и перешёл в наступление:

— Да! Машинистам вот шланги приготовил. Берите, пользуйтесь. А они? Набрали воду, сломали один рожок и бросили мокрый шланг. А я, значить, наблюдаю: уберёт ли кто, просушит ли?

— Китов бы лучше наблюдал,—проворчал кто-то.

Боцман сделал вид, что не расслышал, и продолжал:

— Только на вторые сутки забрали на котёл сушить! А ведь никто не бросит свои мокрые сапоги, шоб, значить, валялись и гнили! То ж своё, собственное! А это чьё? Дядино? Нет, товарищи, это тоже своё, за это надо тоже деньги платить, и больше, чем за сапоги. Вот я и хочу, значить, сказать: смотрите за каждой вещью, нянек тут нету за каждым ходить и прибирать.

Все только переглянулись и плечами пожали. На том и разошлись.

Март—месяц ветров и морозов, месяц коротких дней и обледенения—ворвался со штормами. Ночи стали длиннее. Солнца и звёзд почти не видно—тучи, тучи, тучи. Команда совсем сникла, все смотрят хмуρο, почти не разговаривают, и можно только догадываться, что творится в душе у каждого.

Пятеро суток бушевал сильнейший шторм с непрекращающимися снежными зарядами при температуре минус шесть градусов. Болтанка—ни пообедать как следует, ни выспаться после смены.

Моряки изнурены: сложно передвигаться, всё летит, движется, грохочет.

Аврал. Все выходят на отбивку льда. Все—от капитана до повара—ожесточённо долбят ледяные наросты и такие красивые на фотографиях сосульки. Волны обдают солёными брызгами, проникают сквозь одежду. И даже от жаркой работы тело не согревается. Наконец ледяной убор выброшен за борт. Но это ненадолго. Через два часа снова нарастают ледяные бороды. А шторм грохочет, воеет, обрушивается всей своей дикой силой на маленький кораблик.

Мачта пригибается к воде, сорок пять градусов крена. Штурман судорожно хватается за поручень, чтобы удержаться на ногах. Вывалился с койки на палубу матрос и растерянно ощупывает шишку на голове. Без сентиментальностей! Волна бросает его на другой борт. Вот теперь щупай вторую шишку. У повара на камбузе несчастье—выплеснулось полкастрюли первого, и он ругает предпоследними словами и шторм, и щи, и свою судьбу, и главную виновницу его беды—Антарктику. Его не видно, и только из клубов пара раздаётся его визгливый, надтреснутый голос.

Идём на юг. До берега материка остаётся всего двадцать миль (Земля Королевы Мод, мыс Норвегия). Отбушевал шторм.

Радости корабельного бытия: получили посылки, письма, телеграммы. Письма... В письме сразу видишь человека. Трудно скрыть истинное отношение, закамуфлировать фальшь красивыми словами. Бывает, самые простые, избитые фразы согревают, а бывает, и тщательно выверенные вгоняют в тоску.

Виктору не везло. Снова радиограмма того же содержания: «Мама болеет. Женя». Да что же это, она их под коврику пишет, что ли? А следом от Тани: «Саша в порядке. Я тоже». Замечательно! Ну что ж, порадуемся хоть этому. Что у неё в душе, он никогда разобрать не мог. Да и к чему? И так всё более чем ясно. Про себя он завидовал, когда видел, как к другим девчонки на шею бросались у трапа. Так просто не бросишься—не прыжок в длину на физкультуре, тут порыв нужен... Да, вот чего не хватало ему в семейной жизни—порыва.

И тем не менее душа его рвалась домой. Скорее бы пройтись по родному порту, подняться по Потёмкинскому, услышать воркование голубей и стук домино на скамейках Приморского бульвара... Он соскучился по звукам обывательской жизни—по смеху и перепалкам, доносящимся из открытых окон, по автомобильным сигналам, визгу разыгравшейся детворы, цокоту трамвая по рельсам мостовой... Как бы ни ругали обывательскую жизнь, но именно она отвечала за психическое равновесие команды, за ощущение стабильности на корабле. В море всего этого человек лишён, и поначалу

это даже нравится, но с течением времени уже пробирает тоска, в особенности когда глядишь на стаи рыб, как они резвятся, или на береговых чаек. Животный мир занят своей жизнью, заботами, отношениями, а мир человека на корабле выхолощен вахтами и выполнением плана.

Домой! Корабли разворачиваются на север, желанный курс. Штормит. Холодно. Обледенение, но что всё это значит, когда нос корабля смотрит туда, где за тысячи миль отсюда находится родная земля? Холодный юго-западный ветер несёт водяную пыль, и она оседает в бороде и на бровях ледяными сосульками, течёт колючими струями по спине, пока не согревается от тепла тела. К концу вахты зуб на зуб не попадает, ноги выбивают чётку. Пустяки! Всё равно — курс на север, домой.

К вечеру прошли маяк Лобос. Он таинственно подмигнул единственным своим глазом и вскоре скрылся в ночи.

Переменные ветры провожали флотилию до самого тропика Козерога, где сменились со пассатом. Температура медленно поднималась, достигая тридцати двух градусов. Появились летающие рыбки, изредка выныривал акулий плавник. Но в основном океан был тих и пустынен. В полной тишине зашло за горизонт алое солнце, и сразу же вспыхнула Венера, а за ней — Юпитер, яркий Канопус. Небо быстро темнело, и казалось, что звёзды пробивались из тьмы, как цветы из земли, чуть подрагивая на ветру или срываясь со своего невидимого стебля в морскую пучину.

Вода фосфорилась, и усы¹ от хода судна загорались нежным салатным светом, от носа корабля разбегались светящиеся полосы рыбных трасс. В машине температура достигала пятидесяти шести градусов, а в кочегарке переваливала за шестьдесят. Где-то далеко на востоке остался уединённый островок Святой Елены.

Всех тянуло домой. Это чувствовалось в разговоре, передавалось в походке, во взгляде, даже сказывалось на аппетите команды. Виктор часто пробуждался среди ночи и смотрел в окно иллюминатора на переполненный звёздами океан, живущий своей, во многом знакомой и одновременно таинственной, жизнью.

В одну из таких ночей он вышел на палубу. Перед ним колебался исполненный мерцанием аквариум жизни. Летали рыбки, привлечённые светом корабля, прожорливая акула увязалась за китобойцем в надежде на наживу, но вскоре отстала. Показались вдали наклонные фонтаны большого стада кашалотов, проплыла причудливая рыба-молот, а каракатица — живой реактивный двигатель, — всё

время меняя скорость и направление, рывками передвигалась под водой в погоне за добычей.

Всё было частью единой гармонии, в которую был вписан и он с его жизнью и судьбой. Ему вдруг подумалось, что матери уже лучше, он буквально ощутил это, уверовав всем своим существом в её полное и окончательное излечение, и ему стало весело, беззаботно. Он больше не будет ждать никаких радиogramм, его не омрачат скудные сообщения от близких, потому что в этот момент ему открылось то, что никакими словами не передать.

Мама...

Блёстка звезды скатилась по бархату ночи, задев на лету другую, а та — третью. Начался звездопад, словно кто-то приветствовал его, осыпая волшебностями. Я знаю, знаю, знаю, что ты — со мной, мысленно говорил он то ли ей, то ли расточительному небу. А звёзды всё сыпались и сыпались, и оно не меркло.

На рассвете подул северный ветер, нагнал облака, и небо разверзлось невиданным водопадом.

На мостик выбросило большую летающую рыбу. Рулевой проговорил с усмешкой:

— Океан даёт выпить и про закуску не забывает.

А кочегар добавил тоном репортёра:

— Пересекли экватор. Команда загорает в кочегарке и принимает солёный душ на мостике.

Шутка была встречена дружным смехом.

Примерно двадцать дней отделяло флотилию от родного берега. Прошли проливом между островом Фуэртевентура, и через трое суток — последний порт захода, последний иностранный порт — Гибралтар.

Гибралтарский рейд оказался пустынным — несколько кораблей зашли сюда на кратковременную стоянку, чтобы пополнить запасы. Недавно здесь побывала и американская эскадра. Её присутствие мы почувствовали вскоре по выходе из Гибралтара. Американские корабли вели себя в Средиземном море как в американском озере: останавливали суда, запрашивали позывные, нахально, не считаясь с морскими правилами и обычаями, пересекали строй флотилии.

К рассвету десятого мая показался греческий мыс Монтана, и через четыре часа плавание продолжалось в Эгейском море. Из-за острова Макронос вышел небольшой, неуклюжий, как утюг, военный греческий сторожевой корабль. Согласно международным обычаям, моряки первые приветствовали его, приспустив до половины мачты флаг. Он ответил на приветствие, также приспустив свой флаг. На мостике и палубе матросы и офицеры махали советским китобойцам руками и бескозырками. Команды советских кораблей высыпали на палубу, раздавались приветственные выкрики, и три продолжительных гудка с обоих

1. Приспособления в виде изогнутых рогообразных наделок, охватывающие с двух сторон мачту. Служат для подвижного соединения с мачтой.

судов пожелали друг другу счастливого плавания и скорого возвращения на Родину.

Вечером пятнадцатого мая вошли в Босфор. На площадках башен минаретов зажглись огни, светящаяся реклама расчерчивала замысловатые фигуры и незнакомые турецкие подписи.

На мостик поднялся небольшого роста полный турак-лоцман и повёл корабль проливом. Звучали команды на русском, которые подавались рулевому. На корабле царило оживление.

Третий помощник, подмигнув команде, предложил турецкому лоцману папиросу из коробки с репродукцией картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Команда развеселилась, наблюдая, как лоцман с удовольствием разглядывает картинку.

— Красивый рисунок, — наконец сказал он, одобрительно затянувшись папиросой.

— О да! — едва сдерживая смех, согласился третий помощник. — Русским такие рисунки очень даже нравятся.

Двадцать пятое мая. До родного порта осталось не более недели. Впереди шесть дней пути, позади семь месяцев... Семь месяцев упорного труда, непогод, радостей и неудач промысловой жизни; семь месяцев на зыбкой палубе маленького судёнышка, дум о семье и Родине, дум о встрече с родными и близкими...

Встречи с разлукой

Причал был полон встречающих.

Виктор мгновенно различил в толпе фигурку Жени. Ни Тани, ни Сашеньки не было.

Женя — самая красивая — выделялась из стайки восторженно машущих кораблю молодых женщин. Вот она сдержанно следит, как корабль пришвартовывается, а мужчины искоса бросают взгляды на неё. Но она ни на кого не реагирует. Только вытянула шею, всматриваясь в моряков на палубе. Его, Виктора, пыталась отыскать глазами среди них.

Корабль пристал. Толпа начала волноваться, предчувствуя скорую встречу с родными. Трап медленно спустился, восстанавливая долгожданную связь между кораблём и берегом. Самые ретивые уже у трапа, готовы первыми принять в объятия прибывших.

Виктору не хотелось толкаться, и он решил ещё раз забежать в каюту, проверить, не оставил ли чего.

Тем временем Женю подхватил поток встречающих и вынес к трапу.

— Девушка, погодите, — услышала она уже у самого трапа.

Она оглянулась. Перед ней стоял капитан. Женя смущённо опустила глаза.

— Здравствуйте, товарищ капитан...

— Здравствуйте, здравствуйте... Вы — Женя, так? Виктора сестра?

— Да, так...

— Я вас по фотографии узнал, он показывал нам свою семью.

Она выжидающе смотрела на него. Ясно, что не для того, чтобы завязать знакомство, заговорил с ней капитан.

Капитан помог ей подняться по трапу, затем взял её под локоть, отвёл в сторону и, убедившись, что никто их не слышит, проговорил:

— Что же это вы, девушка, брата своего расстраиваете? То не пишете, то такое напишете, что на нём лица нет. Я читал ваши радиogramмы. Это никуда не годится. Никто такие радиogramмы морякам не шлёт. Должны сами понимать.

В одно мгновение глаза её наполнились слезами. Капитан был смущён такой реакцией молодой женщины.

— Ну что вы, что вы, я ведь только на будущее советую... Я по-отечески... — неловко пробормотал он, пытаясь успокоить её.

Женя сделала глубокий вдох и сказала:

— А что же я, по-вашему, должна была писать, товарищ капитан, — голос её дрогнул, — когда матери уже почти два месяца как нет в живых? Умерла мама... Девятого апреля...

— Ой ты ж Боже ж мой! — засуетился капитан. — Простите, простите меня, Бога ради... Да кто ж знал, что такое горе вашу семью постигло? Вы присядьте вот здесь, на ступенечку... Может, водички принести?

— Нет, нет, спасибо, — еле прошептала Женя, чтобы не разрыдаться, но быстро взяла себя в руки. — Виктору — ни слова, товарищ капитан. Мне его домой довести нужно, там уже все собрались. Дома всё и узнает. В кругу родных ему легче будет перенести эту весть. Любил он мать. Очень...

— Конечно, конечно... Вы... вы героическая женщина. И решение правильное приняли. Не всякая бы так поступила в подобной ситуации.

Появился Виктор. Заметив, что Женя разговаривает о чём-то с капитаном, сбежал по трапу с чемоданом в руке и остановился возле них.

— Ну что ж, Виктор... — капитан тронул его за плечо. — Хорошо поработал, а теперь отдохни, сил наберись до следующего рейса, — и добавил внушительно, глядя ему прямо в глаза: — Хорошая сестра у тебя, настоящая. Береги её.

Потом пожал ему руку на прощание и поднялся на корабль.

Женя тихо взяла Виктора под руку.

— Пойдём, Витюша. Все уже дома ждут, за столом. Досада на сестру вмиг улетучилась. Он обнял её и пригладил растрепавшиеся волосы. У неё ведь столько дел: и семья, и за мамой присмотреть...

— Ну слава Богу, а я уж испугался, что маме хуже. Идём домой поскорей, хочу всех увидеть.

Он махнул рукой, остановил проезжающее мимо такси, и они покатали по летним улицам Одессы. Было уже одиннадцать, а пришвартовались в семь. Вот уже полдня как не бывало, а в море—это целая жизнь.

Через несколько минут такси подкатило к воротам его двора.

— Приехали! — отчеканил водитель.

— Спасибо вам, — сказала Женя, протягивая деньги таксисту.

Виктор попытался остановить её:

— Женя, ну что ты!

— Ничего, ничего, пошли, Витюша.

Поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, он различил голоса родственников, доносящиеся из-за дверей.

— И тётя Люба с дядькой тоже здесь? Из Ялты приехали?

— Приехали, и Гриша тоже приехал...

Она открыла ключом двери, и поворот металла в скважине заставил притихнуть говорящих.

Дома! Невзирая ни на что—дома! Виктор счастливо вдохнул знакомый запах просыхающей деревянной лестницы, снял китель, поставил чемодан в углу и приоткрыл дверь в комнату.

Вся оставшаяся от войны семья молча сидела за столом. Никто не приветствовал его, все ждали чего-то. Он почему-то смутился и тоже тихо кивнул всем: здравствуйте, мол. Оглядел стол ещё раз. Мамино оливье, мамины пирожки, мамина скатерть...

— А где же мама?

Все продолжали молчать. Он обернулся за объяснением к Жене, которая вместе с ним всё ещё стояла в дверях.

— Это была её воля, Витюша, — только и сказала она.

Стол для поминок был сделан по маминому рецепту, а вот жизнь — нет.

Может, от холодного дыхания ветров, а может, от бесконечных дождей, но всё серее становились рассветы и всё неуютнее сумерки в доме.

Однажды, вернувшись из очередного рейса, Виктор вдруг ощутил такое сильное отторжение от этой несовместной жизни, что даже и вещей не стал раскладывать.

— Всё, больше не могу, — только и сказал с порога.

Таня стояла перед ним в сером свитере грубой вязки, красивая, статная, никогда не влекущая, и, казалось, его слова прошли мимо неё.

— Квартиру вам оставлю, а сам пойду в общежитие. Сашеньку только позволь навещать.

Она ничего не ответила, и он не мог понять, согласна она или нет.

Виктор взял чемодан и, как был, отправился в общежитие.

Там ему сразу дали временную комнатку без оформления бумаг и до решения начальства, и он

рухнул в койку, хряпнув предварительно водки с дежурным вахтёром и закусив каким-то сухарём. Сон навалился на него, как медведь, и мгновенно подмял под себя.

Разбудил его сильный стук в дверь.

— Виктор! Виктор, открой!

На пороге стояла Женя. Он вскочил, на ходу вспоминая всё, что произошло накануне.

— Женя, откуда ты? Как ты узнала, что я здесь? Прости, я не успел... А что случилось?

— Таня уезжает!

— Уезжает? Куда? А где Сашенька?

— В Сибирь, к родным. Сашенька с ней. Я утром забегала поглядеться, поскольку не могла на причал прийти, а в комнате — переворот: тюки, чемоданы, Сашенька плачет, спрашивает, где папа. А она ни звука не издаёт, только вещи методично собирает. Я остановилась посреди комнаты, как громом поражённая. «Куда? — спрашиваю. — А Виктор где?» Она не отвечает, а потом вдруг плюхнулась на узлы и разрыдалась. Никогда я её не видела рыдающей. «Люблю я его», — говорит. Потом слёзы утёрла, встала: «Ну, всё. Прощай. Еду к родным, в Сибирь». Такси на улице быстро поймала и — на вокзал. Пошли, может, успеешь! Поезд через двадцать минут.

Виктор выскочил на улицу, стал махать руками проезжающим такси, остановилось сразу два. Он вскочил в первое, и машина рванула в сторону вокзала.

Пробирался по чемоданам и узлам, пытаюсь никого не задеть, и слышал вслед ругань.

— Простите, пардон, опаздываю... — на ходу оправдывался он.

Вот перрон, вот поезд. Люди, люди, люди...

— Таня! Таня!

Бежит вдоль купейных вагонов, всматривается. Нигде их не видеть.

— Таня! Сашенька!

И вдруг — где-то на камчатке памяти: эшелоны, эшелоны, эшелоны. Тела свисают отовсюду, кульки, котомки, дети плачут, кого-то пытаются втиснуть в открытое окно.

— Береги себя! — раздаётся то там, то тут поверх общего гула.

Война, опять война...

— Куда писать? — выкрикивает кто-то из толпы.

Ощущение войны усиливается.

Раздаётся свисток. Виктор ускоряет бег.

— Таня! Саша!

— Папа!

Он оборачивается — пробежал мимо, они в том вагоне, что остался позади. Возвращается. Сашенька стоит с Таней в тамбуре, плачет.

— Папа, папа, иди, иди же!

Он идёт.

Поезд трогается.

Он идёт, идёт, идёт...